

Андрей Львович Ливадный

Омикрон

Аннотация

Заключительная этап Галактической войны грозит полным уничтожением всему Человечеству. Производство боевых кибернетических систем с модулями искусственного интеллекта переходит все мыслимые границы. Адмиралу Табанову, защищающему Землю, ясно, что если не остановить кибернетические исчадия, они выиграют войну... но вряд ли после такой победы человечество уцелеет как вид. Последняя надежда адмирала — это резерв из нескольких миллионов подростков, которыми он вынужден пожертвовать, чтобы вывести из столкновения равное количество кибернетических систем. Выживет ли кто-то из них? Если да,

то как сложится судьба ребят из «последнего резерва»?

Андрей Ливадный Омикрон

Пролог

*Земля. Центральный мегагород.
Раннее утро...*

Низкорослый, седовласый, плотно сбитый человек в форме адмирала военно-космических сил Земного Альянса стоял у окна кабинета, глядя с высоты сто десятого этажа на знаменитую многоуровневую площадь Пяти Углов.

Три десятилетия назад здание Всемирного Правительства, возглавляемого в ту пору Джоном Уинстоном Хаммером, было известно каждому жителю Солнечной системы, а

затем, с началом колониальной войны, облик этого строгого утилитарного строения узнали во многих уголках освоенного людьми космоса.

Теперь здесь царил лишь незримый дух прошлого.

Взгляд за огромное панорамное окно кабинета возбуждал совсем иные мысли, нежели раньше, да и сам Джон Хаммер уже не входил по утрам в свои рабочие апартаменты.

Сейчас у окна стоял адмирал Табанов, командующий объединенными силами военно-космического флота Земного Альянса.

Его усталое, волевое лицо казалось угловатым из-за резко очерченной линии скул и массивного подбородка. Глаза Табанова были ясными, пронзительными, и даже непомерная усталость последних суток не могла

погасить в них блеск, который говорил о незаурядной воле командующего.

Он не боялся призраков и не оглядывался на тени, которые, казалось, наполняют собою сумеречные углы огромного кабинета. Его не интересовали реликты прошлого. Три десятилетия назад он вступил в войну двадцатилетним лейтенантом и прошел этой тяжелой стезей, вбирая душой и разумом все ужасы и побед и поражений. Он, как никто другой, испытал эту войну на собственной шкуре, узнав настоящую цену жизни и смерти...

Глядя на пустынную площадь Пяти Углов и окружающие ее сверхнебоскребы, он, в противоположность Джону Хаммеру, не видел за прозрачными стенами из армированного стекла копошащегося человеческого муравейника, и это

обстоятельство наводило адмирала на определенные, далеко не светлые мысли.

Три десятилетия войны превратили Землю из перенаселенного, урбанизированного мира в технократическую пустыню, где на одного живого человека приходилось до сотни кибернетических систем.

Адмирал поднял взгляд к вершинам небоскребов.

Сады, разбитые на плоских крышах под прозрачными решетчатыми куполами, зеленели, как встарь, но теперь часть обычных сегментов из сводов оранжерей была заменена на многослойное бронестекло, а под сенью реликтовых растений прятались сложные компьютерные комплексы, управляющие зенитными батареями противокосмической обороны.

...Дверь кабинета тихо

приотворилась, по мягкому ковру прошуршали вкрадчивые шаги.

— Все готово, Денис Алексеевич.

Табанов обернулся. Сзади стоял его адъютант в форме полковника ВКС.

— Вы нашли его?

— Да, сэр, — ответил полковник Штейнер. — Все обстоит приблизительно так, как вы предполагали.

— Где? — коротко осведомился Табанов.

— В системе лун Урана. Ранее этот участок космического пространства принадлежал одной из фирм, производивших колониальные транспорты. Он воспользовался шестью заброшенными колониальными сферами, чтобы создать на их основе свою орбитальную станцию.

— Хорошо... — Табанов удовлетворенно кивнул, бросая

последний взгляд за окно. — Рад, что на Земле остался хоть один здравомыслящий человек... негромко добавил он в ответ собственным мыслям. — Жаль, что этот человек по-прежнему верит в чудеса гуманизма... — едва слышно произнес адмирал, отворачиваясь от окна.

Адъютант, не расслышавший последних фраз, напряженно смотрел на командующего.

— Что-то не так, господин адмирал? — осторожно осведомился полковник.

— Нет, — покачал головой Табаков. — Все в порядке. Не будем терять времени.

* * *

Сутки спустя. Солнечная система...

Район высоких околопланетных

орбит Урана

Космический холод и чернильная тьма пространства, исколотая мириадами ярких, колючих звезд, царили тут испокон веков. Даже бурная человеческая деятельность, направленная на колонизацию лун Урана, не смогла нарушить мрачного покоя, царящего на задворках Солнечной системы.

На удалении в восемнадцать астрономических единиц от Земли Солнце превратилось в ослепительную точку и почти не грело, лишь слабо светился отраженным светом непроницаемый облачный покров планеты-гиганта да матово отсвечивало множество ледяных глыб, образующих менее плотное, чем у Сатурна, кольцо. Восемь наиболее крупных спутников Урана казались темными покоробленными горошинами, сплошь

покрытыми оспинами метеоритных кратеров.

Стоя на мостике малого крейсера, адмирал Табанов смотрел в черноту космического пространства, напряженно высматривая что-то меж мертвых спутников и ледяных глыб.

Казалось, что может искать взгляд человека в этом отдаленном уголке космоса, где царит вечный холод и мрак?

— Сейчас они появятся, сэр. — Командир корабля подошел к низкому ограждению смотровой площадки мостика и жестом указал на узкую полоску черноты в одном из секторов полусферического обзорного экрана, который создавал полную иллюзию присутствия в открытом космосе.

Табанов покосился в указанном направлении, попутно зацепив взглядом корабли поддержки.

Четыре конвойных носителя, сопровождавшие крейсер командующего, двигались параллельными курсами. Их стартовые катапульты были заряжены, и любое непредвиденное обстоятельство немедленно вызвало бы мгновенный выброс четырех десятков космических истребителей.

Однако этого не потребовалось.

В указанном капитаном крейсера секторе пространства стали выступать из мрака, медленно очерчивая свои контуры, шесть плотно состыкованных между собой сфер. Опытный глаз Табакова сразу же распознал в этой конструкции отдельные, хорошо узнаваемые элементы.

Рукотворное сооружение состояло из шести колониальных транспортов, которые строились в Солнечной системе более четырех веков назад, во

время так называемого Великого Исхода, когда часть Человечества покинула Землю на подобных кораблях, чтобы пройти через пространство аномалии космоса в рискованной, практически безумной попытке достичь иных звездных систем.

Сейчас вид построенных, но не стартовавших колониальных сфер породил в сознании адмирала Табакова противоречивые чувства. Он, как и его предшественник, Джон Хаммер, считал себя трезвым и здравомыслящим человеком. Пройдя все адские круги войны, начиная от печально известного штурма Дабога и заканчивая масштабными космическими сражениями последних лет, он постепенно продвинулся по служебной лестнице, преодолев нелегкий путь от лейтенанта космической пехоты до

адмирала флота.

Когда началась война, он жил в условиях, близких к нищете, в перенаселенном городе-муравейнике, и легко воспринимал идеи главы Всемирного Правительства. В своих речах Хаммер утверждал: Земля оказалась в плотном кольце колоний, которые спустя четыреста лет автономного существования не желают признавать прародину, отказываются принимать новых поселенцев из метрополии, и в таких условиях только короткая, победоносная война может открыть дорогу для второй волны галактической экспансии человечества.

Джон Хаммер умер. Война, то затухая, то разгораясь с новой силой, длилась уже без малого тридцать лет. Дорога в дальний космос давно была открыта, но туда некому стало улетать. Новые поколения, рожденные в

условиях жестокого противостояния Земного Альянса и Свободных Колоний, не могли погасить тот пожар, что вспыхнул до их появления на свет, а сам Табанов, уцелевший вопреки печальной статистике в сотнях кровопролитных боев, давно разучился лгать, равно как воспринимать ложь. Он утратил всяческие иллюзии, превратившись в жесткого, последовательного и логичного пятидесятилетнего адмирала.

— Сэр, мы приближаемся, — нарушил его мысли голос капитана крейсера. Станция ответила на вызов, ее системы готовы к стыковке.

— Он не пытался вести переговоры или угрожать сопротивлением?

— Нет. Он вообще не выходил на связь. Со мной общался кибернетический мозг.

Табаков кивнул:

— Подготовьте десантный корабль, со взводом охраны. Передайте полковнику Штейнеру, чтобы он был готов к вылету через пять минут.

— Простите, сэр, но, на мой взгляд, взвода будет недостаточно...

— Оставьте, капитан, — отмахнулся от него Табаков. — Я знаю, что делаю и к кому лечу. Исполняйте приказ.

* * *

С резким неприятным шипением сжатого воздуха сработал механизм шлюзового затвора, отпирая многотонные створы герметичного перехода.

На просторной предшлюзовой площадке стоял один человек. Он не был вооружен и вообще мало походил на военного. В стерильном белоснежном комбинезоне, не

скрадывающим, а, наоборот, подчеркивающим сухопарость старческой фигуры, он мог показаться жалким, одиноким и беспомощным, если бы не глаза, такие же пронзительные, ясные, как и у Табанова.

Стоило поймать их взгляд, как морщинистое лицо, крючковатый нос и тяжелые кустистые брови переставали играть существенную роль в восприятии облика этого человека, — черты его лица могли хранить неизгладимый отпечаток старости, но они не отражали его внутренней сущности, не говорили ни о чем, кроме физических примет возраста.

...Первыми в проеме открывшегося люка появились двое десантников. Они тут же заняли посты по обе стороны выхода из шлюзовой камеры, внутри которой все еще вихрился пар. Эти

впитавшие космический холод конструкции вступали в неизбежную реакцию с поданным изнутри станции воздухом, влага из которого оседала на стенах и уплотнителях толстым мохнатым, но недолговечным слоем инея.

Пол переходной камеры тоже покрылся тонкой коростой наледи, но Табаков, появившийся вслед за авангардом десантной группы, шагал, как обычно, уверенно и размашисто.

Преодолев порог шлюза, он сделал еще несколько шагов и остановился напротив старика, одетого в белоснежный комбинезон.

Сзади занимали позиции молчаливые, сосредоточенные бойцы десантного взвода. Последним из проема шлюзовой камеры вышел полковник Штейнер.

— Ну, здравствуй, Вячеслав

Андреевич, — первым нарушил гробовое молчание Табанов.

Старик смотрел на него пристальным, немигающим взглядом, пока какое-то давнее воспоминание не шевельнулось в глубинах памяти, медленно выдавливаясь из бездн подсознания.

— Капитан Табанов?.. — полуутвердительно произнес он, тут же осекшись взглядом на знаках различия негаданного визитера.

— Да, Вячеслав Андреевич. Был капитаном, когда встречались в последний раз. — Адмирал демонстративно сжал в кулак кисть правой руки, затянутую в тонкую черную ткань спецперчатки. Мало кто знал, что правая рука Табакова, начиная от локтевого сустава, представляет собой кибернетический протез. Вспомнили, значит?

— Вспомнил. — Тон старика изменил ему лишь на миг. Дрогнул голос, но потом все стало прежним: молчаливый, холодный, испытующий взгляд, плотно сжатые, почти бескровные губы, хмурые седые брови...

Адмирал спокойно выдержал этот взгляд. Он не питал враждебности к старику, который был в свое время ведущим хирургом центрального клинического госпиталя флота.

— Как же так... — адмирал обвел неопределенным жестом окружающее пространство. — Почему вы бросили практику в госпитале, Вячеслав Андреевич? Разве спасти жизни стало не по душе?

Старик вдруг криво и презрительно усмехнулся.

— Я хирург, а не компьютерный техник, — с внезапной резкостью в

голосе ответил он. — Когда клинический госпиталь флота стал превращаться в мастерскую по ремонту боевой техники, я, естественно, ушел оттуда. — Он с досадой посмотрел на Табанова и добавил:

— Людей стало меньше, чем машин, разве это не очевидно, адмирал? Надеюсь, вы не забыли древнее предостережение?

— Какое? — перебил его Табаков. Старик опять усмехнулся.

— «Либо Человечество покончит с войной, либо война покончит с Человечеством», — процитировал Волкошин и тут же добавил: — На мой взгляд, очевидно последнее...

— Именно поэтому я прилетел сюда, — ответил ему адмирал. — Как бы вы ни относились к сложившейся ситуации, но нам волей-неволей придется поговорить.

* * *

Разговор не клеился, и пока они шли по длинному, тускло освещенному коридору, ведущему в глубь станции, Табанов решил взять инициативу в свои руки.

— Чем вы занимаетесь сейчас, Вячеслав Андреевич? — спросил он, не обращая внимания на неприязненное выражение лица Волкошина.

— Пытаюсь спасти человечество, — лаконично ответил тот, понимая, что главнокомандующий силами Альянса не станет тратить свое время лишь для того, чтобы засвидетельствовать почтение престарелому военному хирургу, который лет двадцать назад выволок смертельно раненного капитана ВКС с того света, попутно имплантировав ему кибернетический

протез взамен оторванной по локоть правой руки.

Табанов некоторое время шел молча, а потом проронил, так же скупое и откровенно:

— Мои задачи менее глобальны. Я пытаюсь спасти не человечество целиком, а Землю.

— Не понимаю, в чем сходятся наши интересы?

— В людях. Нас действительно стало в сотни раз меньше, чем машин. И это заботит меня, поверьте.

Волкошин внезапно остановился.

— Даже если это так, адмирал, то я, — он ткнул себя в грудь указательным пальцем, — я не только не смогу вам помочь, но и не желаю этого делать!

— Почему? — спокойно осведомился Табанов.

— Потому что вы ведете войну на

уничтожение, и я более не намерен принимать в ней участия.

— Решили умыть руки?

— Ничуть, — резко ответил Волкошин. — Но вытаскивать с того света солдат для того, чтобы через месяц вновь получить их, еще более изуродованными, чем прежде, я не желаю. Это издевательство над биологией и нравственностью!.. Гораздо честнее перепоручить войну кибернетическим машинам, что вы, к слову сказать, и делаете на протяжении последнего десятилетия!..

Разговор на резких тонах был прерван: Табанов и Волкошин подошли к мощной межсекционной переборке, проход в которой запирала многотонная овальная плита внешнего люка шлюзовой камеры.

— Куда вы меня ведете, Вячеслав Андреевич?

— В свой кабинет.

Табанов согласно кивнул, терпеливо дождавшись, пока хозяин странного орбитального сооружения подтвердит собственные полномочия доступа путем сравнительного анализа ДНК. Наконец, после минутной заминки, люк начал с шипением открываться.

Как успел заметить Табанов, техника на борту морально устарела, она принадлежала прошлым векам, периоду всепланетного колониального бума, когда миллионы людей покинули Землю в поисках новой родины.

— Прошу... — сухо произнес Волкошин, указывая на открывшийся проход.

Помещение, куда они вошли, являлось не чем иным, как переоборудованной рубкой управления одного из колониальных транспортов.

Табанов скользнул взглядом по

темным экранам телескопического обзора, погашенным терминалам навигационной и пилотажной систем, хмыкнул, а затем, воздержавшись от вопросов, сел в кресло, привинченное к полу подле рабочего стола Волкошина, на пластиковой столешнице которого громоздились кипы каких-то распечаток, исполненных на стандартных листах пластбумаги. Тут же подле стола высились стойки с различными программными кристаллодисками, рядом перемигивались огнями два контрольных терминала компьютерной системы. Их внешний вид ничего не сказал адмиралу о предназначении этих новаций. Ясно было одно: терминалы не принадлежат к стандартному оборудованию рубки колониального транспорта.

Усевшись за стол, Волкошин сцепил

руки в замок и спросил, стараясь сохранять максимум самообладания:

— Теперь скажите, зачем вы явились сюда?

— Я прилетел, чтобы лично решить возникшую проблему. Решить тем или иным способом, — добавил адмирал, глядя в глаза пожилого хирурга, самовольно оставившего службу в военно-космических силах Земного Альянса. Рука Табанова вытащила из-за отворота адмиральской формы импульсный пистолет системы «Стайгер». Положив его на край стола, среди бумаг, командующий вновь посмотрел в глаза Волкошина.

— Это один из способов решения проблемы? — спросил тот, покосившись на импульсный пистолет.

— Надеюсь, что мы сможем избежать его, — ответил адмирал. — Я не люблю развязывать зубами те узлы,

которые еще поддаются языку.

— Я не понимаю...

— Все вы понимаете, Вячеслав Андреевич. Не нужно... Вы умный человек и только что сами обозначили проблему, которая волнует меня в равной степени, как и вас. Уберем на время наши взаимоуничтожающие мнения и попробуем договориться.

— О чем? — упрямо переспросил Волкошин.

— Земля опустела, — не обратив внимания на упрямство собеседника, произнес Табанов. — Вы правильно оценили статистику: сейчас на одного гражданина Альянса приходится более сотни машин, и львиная доля из их числа — это боевые кибернетические механизмы.

Встроенные интеллектуальные компьютерные системы не учитывались при данном подсчете. Мы оперируем только теми

единицами техники, которые имеют максимальную свободу, как программную, так и механическую.

— И что с того?

— Население катастрофически сокращается. Альянс начинает испытывать дефицит, но уже не только в квалифицированных кадрах, а в простых людях, терпеливо пояснил Табанов.

— Естественно... — фыркнул Волкошин, не скрывая своей неприязни к затронутой теме. — Кибермеханизмы не умеют рожать. Последняя уникальная прерогатива, которую оставили себе люди, — это естественное продолжение рода.

— Ой ли? — прищурившись, спросил Табанов.

Волкошин побледнел. При всем самообладании его правая щека вдруг стала подергиваться.

— Вы сами довели ситуацию до степени катастрофы — вот и оказались в плену механистического абсурда! — глухо и резко произнес он.

Табанов начал терять терпение.

— Я был младшим лейтенантом, когда началась война с колониями! неприязненно напомнил он, машинально сжав в кулак пальцы механической руки. — Вы забыли то время? Забыли про плотность населения в тысячу человек на один квадратный метр земной поверхности?..

— Где они сейчас, эти люди? — горестно перебил его Волкошин.

— Вы упрямец, Вячеслав Андреевич. Хотите ткнуть меня носом в факт их гибели? Не получится. Я не отрицаю, что именно Земной Альянс развязал войну, много, очень много людей погибло по вине властей предержащих, но давайте не будем ворошить

призраки, Джон Хаммер мертв, нет ни адмирала Нагумо, ни Надырова — никого, кто отвечал за бомбардировки Дабога и иных колоний, некому предъявлять счет, а большая часть населения Солнечной системы, к вашему сведению, выжила. Только двадцать процентов от общего числа погибли в сражениях, остальных война развеяла по огромным пространствам, и многие из бывших граждан Альянса сейчас воюют на стороне колоний.

— Это не статистика... — печально покачал головой Волкошин. — Война сожгла человечество, и на стороне колоний сейчас сражаются дети, которым по шестнадцать-восемнадцать лет. Не знаю, может, и существуют эти мифические миры, куда сумела скрыться от бойни часть здравомыслящих людей, но я их не знаю. Факты, господин Табанов,

упрямая вещь, а они говорят, что обе стороны обескровлены до предела, и вследствие этого идет массовое воспроизводство боевых машин на фоне тотального падения рождаемости. Это факты. Еще пять, ну пусть десять лет подобного безумия — и человечеству придет конец. После нас останутся лишь кибермеханизмы.

— Вы знаете, как покончить с этим? — хмурясь, спросил Табанов.

— Прекратить войну, — не задумываясь, ответил Волкошин.

— Легко сказать. — Адмирал достал сигареты. — Можно?

— Курите... — махнул рукой Вячеслав Андреевич.

Табанов закурил.

— Я не могу остановить войну, — спустя некоторое время произнес он. Противостояние еще при жизни Джона Хаммера вышло из фазы локального,

управляемого процесса. Сейчас в сердцах людей живет генетический страх, переданный в наследство из недалекого прошлого. В войну вовлечено до полусотни планет, как с одной, так и с другой стороны. — Табанов стряхнул пепел в пасть притаившегося у стены утилизатора отходов. — Земной Альянс оброс новыми союзниками, — продолжил он, — но и колонии окрепли, они развились технически и теперь ничуть не уступают в боевом потенциале силам Земли. Последняя схватка неизбежна, и только она поставит точку в войне.

— Вы все еще надеетесь на победу, безумцы? — сокрушенно покачал головой Волкошин.

— Нет. — Адмирал вскинул на него пронзительный взгляд. — Я не безумец. Точкой в войне станет поражение

Земли, — внезапно произнес он, заставив старого доктора вздрогнуть от неожиданной информационной значимости произнесенной вслух фразы. — Это закономерный итог, но его еще предстоит пережить, — завершил свою мысль адмирал.

— Вы собираете силы для обороны Солнечной системы? — едва контролируя охватившую его дрожь, спросил Вячеслав Андреевич.

— Да. Все силы, какие есть, — ответил Табанов.

— Но тогда... — Волкошин растерялся на миг, отлично представляя, что основными силами, которыми на данный момент располагала Земля, было неисчислимое множество произведенных за последнее десятилетие боевых кибернетических машин, в корне отличающихся от людей прежде всего полным

отсутствием каких-либо моральных ограничений... К тому же они обладали невероятной технологической живучестью, вкупе с безумной, превышающей все мыслимые потребности боевой мощью.

— Тогда это будет последней битвой для всего человечества, — глухо подытожил свои мысли Волкошин.

— Не знаю... — откровенно сознался Табанов. — Да, вы правы, ситуация доведена до абсурда. Мощность боевых кибернетических механизмов такова, что исход их столкновения в границах Солнечной системы непредсказуем. Битва за Землю может попросту уничтожить Человечество, оставив разрозненные очаги популяций на иных мирах. Я не могу остановить маховик войны, будь я трижды адмирал и десять раз командующий, но в моих силах предотвратить катастрофу.

— Каким образом? — недоверчиво спросил Волкошин.

— Я своим приказом могу вывести из состава флота до пятидесяти процентов кибернетических систем. Но я должен компенсировать их списание.

— Чем? — мгновенно насторожился Вячеслав Андреевич.

— Не чем, а кем, — поправил его Табанов. — Людьюми, — пояснил он. Последний резерв должен состоять из людей. Если в битве за Землю с нашей стороны будут принимать участие машины, то, по прогнозам аналитиков, они уцелеют и победят. Но в том случае, если заменить их людьюми, Земля неизбежно падет под ударом превосходящих сил флота Колоний и вместе с этим закончится война. Выживет часть защитников, и это уже будет благо.

В глазах Волкошина застыл ледяной

ужас.

— Вы не просто безумец, адмирал, — глухо произнес он. — Вы маньяк...

— Нет, — покачал головой Табанов. — Вы в равной степени безумны, если среди царящего вокруг ада продолжаете верить в идеи гуманизма. Их нет. Новые поколения родились под гнетом войны, в сердцах людей живет страх, наполовину разбавленный ненавистью, война превратилась не в осмысленные действия, а в стихийное бедствие, в пожар, который полыхает вне зависимости от воли отдельных индивидов. Я смотрю в глаза реальности, и по большому счету мне все равно, кто прав, а кто виноват. На мне лежит бремя, которое я буду нести до конца. Это бремя — защита Земли. По последним разведданным, флот

Свободных Колоний готовит решающий, сокрушительный, по их мнению, удар, который будет направлен в самое сердце Альянса, — по Земле, прародине Человечества. Это произойдет через год или два, но не позже. А теперь думайте, док, — в составе моего флота три миллиона кибернетических механизмов. Это боевые машины класса «Одиночка» — система установлена как на сервомеханизмах класса «шагающий», так и на космических истребителях. Колонии обладают неизмеримо меньшей технической мощностью, их главный потенциал — люди. Как вы справедливо заметили, молодые люди в возрасте семнадцати-восемнадцати лет. Если битва состоится при данном раскладе сил, то машины, оснащенные пакетом программ независимого поведения, сотрут в пыль флот

Колоний, и тогда война выйдет в иную стадию, — люди отойдут на второй план, а машины подхватят инициативу, и пожар вспыхнет с новой силой.

Волкошин сидел бледный как полотно.

— Альтернатива? — спросил он.

— Альтернатива есть, — ответил Табанов. — Она кроется в нехитром подсчете, — каждый колониальный транспорт имеет потенциал для поддержания жизни трехсот тысяч человек, верно?

Вячеслав Андреевич был вынужден кивнуть.

— Значит, ваша станция, состыкованная из шести модулей, сейчас хранит один миллион восемьсот тысяч жизней, — продолжил свою беспощадную мысль адмирал. — Я могу деактивировать равное количество систем «Одиночка», установленных на

боевых единицах флота, переподчинив находящиеся под их контролем исполнительные механизмы непосредственно людям, и тогда у колонистов появится шанс: их флот с огромными потерями пробьет защиту Земли... ну а после падения прародины остальные миры, входящие в Альянс, будут вынуждены капитулировать. Война закончится.

— Вы предлагаете мне отдать в ваши руки почти два миллиона подростков, чтобы вы послали их на смерть?! — ужаснулся Волкошин.

— Да. Тогда людям будут противостоять люди, и в этой последней битве выживут они, а не машины. Если у меня не будет этого резерва, то в составе флота в бой пойдут три миллиона саморазвивающихся кибернетических систем. Вы знакомы с программным

пакетом «Одиночка»?

— Да, — ответил Вячеслав Андреевич. — Это полная автономия, способность к самостоятельному принятию решений в рамках общей боевой задачи, ремонт, самоподдержание и...

— Общая боевая задача, — прервал его Табанов. — Вам известно, в чем ее суть?

— Нет, — сознался Волкошин, который всегда был далек от вопросов проектирования сложных самодостаточных кибернетических комплексов.

— Победить в войне! — резко произнес Табанов. — Не я программировал эти машины, они достались мне в наследство вкупе с самой войной, но я представляю, на что они способны. Посудите сами: им неведом страх, они не знают сомнений,

их реакция молниеносна, а ресурс практически неистощим. Оказавшись в режиме полной автономии, они выиграют эту затянувшуюся войну... Они просто сотрут колонии и остановятся лишь тогда, когда будет исчерпана программа. Только людям уже будет все равно. — Голос адмирала впервые дрогнул, выдавая волнение. — Если кто и выживет после ответного удара автономных серв-соединений, то эти анклавов едва ли смогут повторить глобальный путь развития, который прошло Человечество.

— Скажите, адмирал, а просто уничтожить их... разве это невозможно? — с ноткой слабой надежды в голосе спросил Волкошин.

— Нет, — категорично ответил Табанов и пояснил: — Я не всемогущ. Поймите, Вячеслав Андреевич, — я заложник этого финала, который

должен быть отыгран. Вдумайтесь — я готов сдать Землю ради прекращения войны, но если я попытаюсь сделать это без боя — меня просто сместят, расстреляют, и на мое место встанет другой командующий. Вот и все. Сражение за Землю неотвратимо.

Адмирал взглянул на Волкошина и вдруг увидел, как мелко трясутся побелевшие вытянутые в ниточку губы старика.

— Я не отдам вам их... — выдавил он.

Табанов покачал головой.

— Я предлагаю вам сделку. В противном случае я буду вынужден просто застрелить вас и взять станцию под свой контроль, — откровенно добавил адмирал.

На Волкошина было страшно смотреть.

— Вы чудовище, Табанов.

— Я знаю. Но я не хочу, чтобы кибернетический апокалипсис стал итогом развития человечества. И я не вижу иного выхода, кроме уже изложенного мной.

На некоторое время в небольшом кабинете воцарилась гробовая тишина.

— Каковы условия сделки? — наконец хрипло выдавил Волкошин.

— Вы передаете мне эту станцию, а взамен я отдаю вам надежно скрытую, отлично защищенную планетарную базу в секторе неосвоенного космоса. Там вы создадите еще один, более многочисленный, чем тут, резерв Человечества, но уже с иной целью. Я отдам в ваши руки все коды управления, и в случае наихудшего исхода цивилизация сможет возродиться оттуда.

* * *

...Они лежали в ледяной тиши криогенного сна, не имея прошлого и не ведая об уготованном им будущем.

Бледные застывшие лица, нагие тела, опутанные шлангами и датчиками систем жизнеобеспечения, покоящиеся под прозрачными колпаками низкотемпературных камер, на первый взгляд казались одинаковыми, но при более внимательном рассмотрении черты спящих выдавали свою индивидуальность, ясно говорившую о том, что они не являются клонами.

Адмирал Табанов и доктор Волкошин медленно шли по узкому проходу между саркофагами.

— Они все искусственно зачатые... — пояснял Вячеслав Андреевич, у которого слова с трудом выходили из горла.

— Где вы взяли столько

генетического материала и оборудования? спросил Табанов, останавливаясь на перекрестке гулкой решетчатой дорожки.

— Злоупотребил служебным положением, — пожал плечами, сознался Волкошин. — Я получил достаточное количество исходного материала из центрального банка генофонда Земли. А что касается оборудования, то тут я все делал сам. В наше время стало просто вершить подобные дела.

— В смысле? — не понял его последнюю фразу Табанов.

— Я говорю об оборудовании и машинах. Их легко купить по бросовой цене. Например, бытовые андроиды — они теперь никому не нужны, а для обслуживания и реконструкции старых колониальных транспортов подходят идеально. На первых порах мне

помогали несколько человек, в основном компьютерные техники, но я не вводил их в курс дела. Думаю, что если они живы, то до сих пор не догадываются, с какой целью перепрограммировали кибернетические системы старых колониальных транспортов.

— Да, они живы, — подтвердил его мысль Табанов. — И действительно, не смогли вразумительно ответить, для чего были наняты.

Волкошин неприязненно покосился на адмирала, но отступить уже было поздно, хотя душа старика рвалась на мелкие частицы от внутренней боли и напряжения, что он испытывал в эти минуты. Жестокая судьба приперла его к стенке, предлагая выбрать наименьшее из зол, а глядя на Табанова, несложно было понять, что тот не отступится.

— Насколько я понимаю, вы ничего не меняли в конструкции колониальных транспортов? — спросил адмирал, оглядываясь вокруг.

Зал, в котором они находились, был столь огромен, что не имел видимых границ. Решетчатые палубы нависали одна над другой, по мощным опорам, пронзающим горизонтальные уровни, тянулись толстые кабели питания и черные, изолированные от помех внешнего мира жгуты оптико-волоконных интерфейсов. Криогенные камеры выстраивались бесконечными рядами, подсвечивая огромное внутреннее пространство колониальной сферы приглушенным сиянием стерилизующего ультрафиолета; кое-где в голубоватом сумраке виднелись огни промежуточных терминалов. Более всего это напоминало исполинскую

гробницу, где в ледяной тиши застыли триста тысяч непрожитых жизней.

— Объясните мне суть процесса, док. — Табанов повернулся к Волкошину. Я знаю, что криогенная камера лишь замедляет процессы метаболизма, позволяя человеку провести определенный промежуток времени в глубоком сне, верно?

— Да. Стандартная аппаратура криогенного зала работает именно так. Мне пришлось несколько усовершенствовать ее, внедрив в каждую камеру зародышевый модуль. Это было нетрудно, учитывая, что в моем распоряжении находится более тысячи андроидов. Они идеальные, не знающие усталости и не задающиеся никакими вопросами помощники.

— Меня интересует сам процесс.

— Да, я понимаю... — Волкошин облокотился о выступ компьютерного

терминала одной из криогенных камер. — Сначала происходило искусственное оплодотворение, первичный рост зародыша до семимесячного возраста, как в обычном биоинкубаторе, — пояснил он. — Затем, когда ребенок начинал самостоятельно дышать, эта аппаратура отключалась, и младенец до годовалого возраста рос внутри криогенного комплекса без активации низкотемпературных процессов. Когда им всем исполнился годик, я подключил искусственный сон при минимальном замедлении метаболизма. Их организмы росли, формировались до десятилетнего возраста, и только тогда я активировал встроенные в каждую камеру устройства нейросенсорного контакта, которые через височный имплант ребенка соединяли мозг каждого с глобальной

компьютерной сетью шести колониальных транспортов. С этой поры они начали развиваться не только физически, но и умственно. Благодаря компьютерным технологиям информация легко усваивалась их разумами...

— Один бесконечный, затянувшийся на годы информационный сон?

— Да... — согласился с таким сравнением Волкошин. — Конструкция криогенных камер полностью удовлетворяет физические потребности тела, питая его, массируя и развивая мышцы, а виртуальная среда, в которую погружен их разум, формирует полноценные личности. Они живут, не осознавая того, что спят. Их души чисты, а разум несет прогрессивные знания. Не трогайте их... внезапно взмолился Волкошин.

— Я уже обосновал вам причины, по

которым прилетел сюда, — жестко оборвал его Табанов. — Не мы начали эту войну, но нам выпало бремя завершить ее... — тяжело добавил он, глядя в синеватую мглу огромного криогенного зала. — Я устал повторять вам, Вячеслав Андреевич, что выбора у меня нет. Видели моего адъютанта?

Волкошин кивнул. Полковник Штейнер произвел на него еще более неприятное впечатление, чем сам Табанов, в действиях которого, помимо неизбежной жестокости, все же присутствовала толика здравого смысла.

— Все мы отравлены войной, наши разум и души, в отличие от них, Табанов кивнул на крионические ячейки с заключенными в них телами подростков, — черны, как ночь... Если Штейнер узнает, что на самом деле я замыслил нарочно проиграть эту

затянувшуюся бойню, чтобы сохранить остатки Человечества и не допустить геноцида населения колоний силами кибернетических соединений Альянса, он первым наступит мне на горло.

— Вы сдержите свое обещание, адмирал? Будет ли у меня время для повторения эксперимента?

— У вас будет все. Планета, на которую вы отправитесь, лежит в секторе неосвоенного космоса. База надежно замаскирована и защищена. Я передам в ваши руки все полномочия для контроля над биологическим сектором, который по моему приказу укомплектован самым совершенным оборудованием. Более того, я не пошлю с вами ни одного человека, который мог бы вмешаться в процесс роста новых поколений, как это сделал я. Документы относительно дислокации планеты будут уничтожены. Такие

условия приемлемы?

— Да... — мрачно ответил Волкошин. — Если я когда-нибудь смогу позабыть, что послал на смерть два миллиона своих детей, — едва слышно добавил он.

Табанов устало посмотрел на ученого, потом перевел взгляд на заряженные в обойму информационные кристаллодиски, с которых в разум подростков закачивалась информация.

Курс общей истории Человечества...

Кибернетические системы современности.

Духовность и нравственность.
История религий.

Основы этики.

Дисков было множество...

— Они не погибнут. По крайней мере не все. Завтра сюда придут военные техники и заменят носители информации. За год, что я твердо имею

в запасе, эти подростки станут настоящими профи, а если судьба дарует мне пару лет на подготовку, то из криогенных камер восстанут бойцы с серьезным опытом. У каждого из них будет шанс выжить, обещаю.

Волкошин кивнул. Его сердце по-прежнему разрывалось от боли, но разум, вольно или невольно, воспринял жесткую логику Табанова, и пожилой хирург сумел взглянуть на этого человека иными глазами.

В прошлом он имел возможность наблюдать «в деле» серв-машины, которыми управляла программа независимого поведения. После произведенных ими «зачисток» в живых оставались лишь редкие представители растительного мира. Все, что двигалось, а тем паче оказывало сопротивление, попросту уничтожалось. Сейчас, по утверждению

адмирала, три миллиона подобных кибернетических исчадий составляли основу обороны Солнечной системы, и эта цифра, вкупе с незабываемыми впечатлениями прошлых лет, низводила Волкошина до того состояния, когда он начал понимать Табанова.

Он поднял взгляд и посмотрел на командующего Земным флотом.

Как разительно может измениться отношение к человеку, когда начинаешь осознавать, что за жестокостью его действий лежит нечто более глобальное, чем зло в чистом виде.

Адмирал действительно рисковал всем — своим положением, жизнью, и это происходило оттого, что Табанов, размышляя над тем, как защитить Землю, сумел осознать: большинство порожденных войной кибернетических

технологий уже перешагнули роковую черту, за которой катастрофически нарушался баланс сил, и исход любого сражения был заранее предрешен.

Он собирался защищать Землю и намеренно проиграть войну, спасая противника от уничтожающего ответного удара кибернетических систем.

Бремени этого человека сложно было позавидовать, его душу невозможно было правильно оценить, и в этой ситуации Волкошин не смог бы ответить, что такое жестокость, а что — милосердие, где проходит эта зыбкая незримая граница между добром и злом, оправданным риском и бесчеловечной жестокостью.

— Как называется эта планета? — глухо спросил он.

Табанов, погрузившийся в свои мысли, невольно вздрогнул,

оборачиваясь к Волкошину.

— Омикрон. Она обращается вокруг двенадцатой звезды в одноименном скоплении.

Омикрон-12...

Это звучало зловеще и
обнадеживающе одновременно...